

ПОТЕРИ НАУКИ

ПАМЯТИ ДРУГА

Я знал Анну Макларен (в дальнейшем я буду называть ее на английский манер – Энн) свыше 45 лет, за которые наше, сначала поверхностное, знакомство переросло в настоящую дружбу.

Не могу удержаться от того, чтобы не поделиться некоторыми личными воспоминаниями об этом выдающемся человеке.

Мы впервые встретились с ней в 1961 г., когда я проходил полугодовую стажировку по клеточной биологии в отделе зоологии Эдинбургского университета, а она работала в соседнем здании, где располагался отдел генетики, носивший, как следовало из вывески над дверью, название “Института генетики животных” – Institute of Animal Genetics. Оба этих отдела (по нашей терминологии – кафедры) играли в то время выдающуюся роль в развитии раздела биологической науки, названного вскоре новой биологией (что отразилось в создании отдельной серии журнала “Nature” – Nature New Biology), однако более известным был именно Институт генетики, возглавлявшийся таким ученым, как Конрад Уодингтон. Другой особенностью отдела генетики тех лет было присутствие в нем талантливого “среднего” поколения, к которому, несомненно, относилась 34-летняя Энн Макларен. Память не сохранила подробностей наших встреч того времени, но, как показало будущее, мы хорошо запомнили друг друга.

Это стало ясным в середине 1970-х гг., когда мне внезапно позвонила на работу жена Инесса, работавшая тогда в Институте акушерства и гинекологии Минздрава СССР, и сказала, что к ним приехала комиссия из Всемирной организации здравоохранения для проверки использования средств по гранту ВОЗ и что она хочет пригласить двух членов этой группы к нам домой. Я, к тому времени уже “невыездной” и знавший о недопустимости приглашения домой иностранцев без соответствующего разрешения, лишь заинтересовался тем, чем она собирается угощать гостей. Через несколько часов две гости вошли в нашу квартиру. Одна из них, скромно одетая брюнетка невысокого роста, внезапно бросилась ко мне с восклицанием: “Так это Вы Алекс!” (But you are Alex!) Стало ясно, что Энн не поняла, куда она шла в гости и не идентифицировала меня с тем “Алексом”, которого знала в Эдинбурге.

Из подробностей этого вечера припоминаются три.

Из угощения, совсем неплохого по тем временам, наибольшее впечатление на Энн произвела отнюдь не дефицитная икра, а земляничное варенье, поданное к чаю, и конкретно то, что оно было сварено дома и не из садовой, а из дикой, собственноручно собранной хозяйкой в лесу недалеко от нашей дачи. Это слово, переводимое обычно на английский как Russian country house, хорошо известно на Западе и в оригинальном звучании: datcha или dacha.

И второй момент – когда Энн заинтересовалась тем, как идут дела у профессора Дыбана, с которым она была хорошо знакома по встречам на различных международных конференциях, я пошел к телефону, набрал его ленинградский домашний номер и, передав Энн трубку, вышел из комнаты.

Помнится также и рассказ Энн о том, что это не был ее первый визит в Москву и что она побывала здесь еще в 1957 г. на знаменитом Международном фестивале молодежи и студентов.

Следующие встречи состоялись тоже в Москве.

Летом 1978 г. в помещении Московского университета проводился Международный конгресс по генетике. Это было трудное в политическом отношении время для нашей страны, все более погружавшейся в пучину холодной войны. За несколько месяцев до конгресса усилилась кампания на Западе по обвинению властей СССР в нарушении прав человека и, в частности, в препятствии выезду евреев в Израиль. Группа иностранных ученых призвала своих коллег отказаться от поездки в Москву. Некоторые запланированные участники конгресса, в том числе и отдельные докладчики, последовали этому призыву. Энн не принадлежала к их числу. Она не только приехала на конгресс и блестяще прочитала свой заявленный доклад, но и сделала еще один доклад экспромтом, заменив одну из американских политизированных ученых дам, решивших “наказать” Советский Союз.

Мы многократно встречались с Энн во время конгресса, обсуждая самые различные проблемы, и лишь один раз мы не нашли взаимопонимания, когда я сказал ей, что на этот раз не смогу пригласить ее к себе домой, так как там идет ремонт. В ответ она грустно улыбнулась, явно не поверив мне, хотя это была абсолютная правда. Она, видимо, хорошо знала, что “проведение ремонта”

было стандартной отговоркой советских людей, когда вставал вопрос о приглашении к ним домой иностранцев. Лишь спустя два года мне удалось доказать Энн, что сказанное мною не было отговоркой.

Лето 1980 г. было с политической точки зрения еще более трудным для нашей страны, недружественные силы за рубежом получили весьма серьезный повод для того, чтобы нанести максимально возможный вред Советскому Союзу за введение войск в Афганистан. США, а вслед за ними и некоторые другие страны, призвали к бойкоту готовившихся в Москве Олимпийских игр. Ближайшим последователем США в этой акции была Великобритания, спортсмены которой смогли участвовать в Олимпиаде лишь персонально, но не как члены официальной делегации. Не последовала призыву своего премьер-министра и всемирно известная к тому времени член Королевского общества Великобритании профессор Анна Макларен.

В один из олимпийских дней у меня раздался телефонный звонок, и голос Энн сообщил мне, что она находится в Москве и хотела бы со мной увидеться. Я немедленно сказал, что я и моя семья будем рады пригласить ее к себе домой. Поблагодарив меня, она несколько смущенно сказала, что приехала не одна, а в большой компании своих родственников – сына, двух дочерей и приятеля (boy-friend) одной из них, а также бывшего мужа – отца ее детей. Быстро посоветовавшись с женой, я подтвердил свое приглашение.

Это был очень веселый вечер с многочисленными шутками и воспоминаниями. С другими членами ее семьи я впоследствии неоднократно встречался в Москве и Лондоне, но это был единственный раз, когда мне удалось увидеться с профессором Дональдом Микхи (Donald Michie). Лишь из газетных некрологов я узнал подробности его жизни и карьеры и, в частности, что в годы Второй мировой войны он был активным участником работы по расшифровке знаменитой шифровальной системы немецкого подводного флота “Энигма”, а в последующие годы стал одним из пионеров в работах по созданию искусственного интеллекта и оставался лидером в этой области до конца своей жизни.

Тогда же, как я хорошо помню, он произвел на меня впечатление своим обликом явно незаурядной личности. Он дал очень интересную интерпретацию событий, связанных с Московской олимпиадой. “Вам очень повезло, – сказал он, явно имея в виду не присутствовавших в комнате людей, а нашу страну, – с председателем Олимпийского комитета лордом Килланином. Представитель аристократического рода, он буквально на дух не переносит плебейскую выскочку Маргарет Тэтчер, которая так активно выступа-

ла против Московской олимпиады, и сделал все, что мог, чтобы испортить ей настроение.” (Это вольный перевод его слов по памяти.)

Я не помню точно, переписывались ли мы с Энн в течение последовавших нескольких лет, – слишком насыщенной оказалась жизнь нашей страны и моя в частности в годы конца “застоя” и начала перестройки. Скорее всего мы обменялись за это время несколькими рождественскими открытками. Положение резко изменилось на границе конца 1980-х и начала 1990-х. Разрушение “железного занавеса” и появление интернета и, соответственно, электронной почты резко расширили возможность контактов. Серьезно способствовало этому избрание Энн на высокий пост вице-президента Королевского общества Великобритании, ответственного за иностранные связи (Foreign Secretary). Энн приложила значительные усилия к установлению тесных контактов с нашей страной. По ее инициативе было создано активно функционирующее в течение нескольких лет Представительство Королевского общества в Москве и учреждена стипендия имени П.Л. Капицы для посещения российскими учеными научных учреждений Великобритании.

Я не смог точно подсчитать, сколько раз мы встречались с Энн в Москве и Великобритании. Она многократно приезжала в Москву по делам Королевского общества и на различные международные мероприятия.

Два или три раза она посетила Институт молекулярной биологии, где выступила с докладом на институтском семинаре и подробно интересовалась нашими работами. Мы в то время были увлечены разработкой и использованием метода баллистической трансфекции с использованием “генной пушки” (gene gun) применительно к животным клеткам, в частности к клеткам ранних эмбрионов мышей. К возможностям такой работы, проводившейся в сотрудничестве с кафедрой эмбриологии МГУ она отнеслась с некоторым недоверием. Чтобы подтвердить свою правоту, мы продемонстрировали ей опыт с обстрелом бластоцист мыши. Она была вполне удовлетворена его результатами, когда увидела под бинокулярной лупой, что из девяти взятых для опытов бластоцист после обстрела сохранилось восемь, причем в их клетках были отчетливо видны вольфрамовые микрочастицы (“пули”). Результатом этой демонстрации явилась публикация ее обзорной статьи в разделе научных новостей (New and Views) журнала “Nature Genetics”, заглавие которой (Peaceful Bombardment from the Land of Unrest) подчеркивало, что для России того времени была характерна не только междоусобица, но и неплохая наука. Энн также организовала шестимесячный визит в Эдинбург нашего сотрудника В.А. Колесникова – автора русского

варианта генетической пушки. В присланном мне письме она подчеркнула, что вице-президент Королевского общества заботится не только о российской, но и о британской науке.

В Москве Энн интересовалась не только наукой, но и жизнью нашей страны. Однажды я “упустил” ее в Шереметьеве. Я не знал, что она путешествует без чемодана и, избежав ожидания багажа, прямо выйдет в город. На следующий день оказалось, что она провела вечер в знаменитом даже за рубежом кооперативном кафе на Кропоткинской. Она живо рассказала о своих впечатлениях. Через несколько дней Энн пригласила нас с женой в тогда еще существовавший в прежнем виде ресторан “Прага”. Чтобы не смущать нас, она подчеркнула, что делает это за счет представительских расходов, выделенных ей Королевским обществом. После прекрасного ужина она сказала, что кормят в “Праге” лучше, чем на Кропоткинской, и с некоторым удивлением добавила: “И дешевле”.

Однажды летом я пригласил ее к себе на дачу. После шашлыка “на природе” мы пошли прогуляться вокруг, и я с некоторым трепетом, характерным для тех времен, показал ей на уже построенные и строящиеся особняки тогда еще очень “новых русских”. “Какая безвкусица, – несколько даже брезгливо сказала она, – насколько лучше Ваш старый бревенчатый дом”.

Эти ее слова я понял только во время моих последующих визитов в Англию, когда по ее приглашению жил в ее квартирах (по английской терминологии – домах) сначала в Кембридже, а потом и в Лондоне, несколько раз в одиночку и один раз вместе с женой. Особенное впечатление своею скромностью и одновременно высокой функциональностью поражал дом в Кембридже. Кухня, ванная и небольшая гостиная на первом этаже и две небольших спальни на втором: одна ее, а другая гостевая. И маленький дворик сзади. Все, что нужно знаменитому профессору, погруженному в свою науку и научно-организационную деятельность, как это принято называть у нас. Столичный дом, расположенный в аристократической части северного Лондона, был значительно больше, несколько богаче меблирован и с большим садиком, где весной даже цвела вишня, но в принципе мало чем отличался от кембриджского собрата.

Энн очень много ездила по стране и миру, несколько раз я приезжал в Лондон в ее отсутствие. Она оставляла мне ключ от дома в условленном потайном месте под нижним крыльцом в стеклянной банке, закрытой хлорвиниловой пробкой. Зачастую я узнавал о ее возвращении домой только утром одного из дней. Я хорошо помню ее расписание во время одного из моих приездов. Утром

она улетела на два дня в Брюссель для участия в работе какой-то ЕЭСовской комиссии, оставив свою машину в аэропорту. Прилетев назад, она ночью прямо на машине уехала в Кембридж. Вернувшись через два дня в Лондон, она в то же утро отправилась в Эдинбург, не помню – на поезде или самолете, если мне не изменяет память, для выступления в качестве рецензента по докторской диссертации. Этот рассказ поможет понять причину ее гибели.

Когда у Энн выдавалось свободное время, она старалась уделить мне часть своего внимания. Несколько раз она приглашала меня вместе со своей семьей в кино на премьеру какой-нибудь новинки, а однажды – в Лондонский зоопарк, пойти куда настоятельно требовала ее внучка, чтобы посмотреть новую гориллу. Несколько раз она приглашала меня в ресторан, стараясь при этом сделать посещение особенно приятным. Естественно, это было прежде всего тогда, когда я гостил у нее вместе с женой. Однажды, когда я был в Лондоне один, она пригласила в ресторан вместе со мной доктора Денис Шир из Имперского фонда раковых исследований, у которой я работал в тот момент в рамках гранта Королевского общества. Энн, конечно, понимала, что это было большой честью для Денис. В другой раз, во время моей последней поездки в Лондон, Энн устроила для своей семьи изумительную экскурсию на только что открытое колесо обозрения в Лондоне, построенное в честь наступления нового тысячелетия, пригласив туда не только меня, но и мою сотрудницу Ольгу Муравенко, работавшую тогда у Денис Шир. Запомнился мелкий эпизод. Когда Энн расплачивалась в ресторане, куда мы все пошли после колеса обозрения, ее племянник, приехавший из Америки, попытался взять на себя часть расходов. Энн решительно отодвинула его руку с кредитной картой, резко промолвив: “Absolutely no”.

Семья и друзья пытались уговорить Энн меньше работать. Однажды затеял с ней разговор на эту тему и я, но она ушла от него, лишь сказав, что я, возможно, и прав. Как-то я затронул эту тему в разговоре с немолодой женщиной, помогавшей Энн по хозяйству и дважды в неделю приходившей в ее лондонский дом, чтобы провести там уборку, а также сделать необходимые покупки. Она сказала, что неоднократно говорила с Энн об этом, но та ей неизменно отвечала, что если перестанет работать, то быстро умрет.

Запомнился один короткий разговор с Энн в конце моей последней встречи с ней. Он очень важен для ее характеристики как человека, пронизанного либерально-демократическими идеями. Смущенно улыбаясь, она сказала, что ее порой угнетает то, что один человек (она имела в виду

себя) имеет два почти пустующих дома и что мое пребывание, хотя бы частично, снимает с нее этот душевный груз. И добавила, что будет рада и в дальнейшем видеть у себя не только меня, но и членов мой семьи и моих друзей. К сожалению, нам не пришлось воспользоваться ее приглашением.

Последние годы мы лишь изредка переписывались по праздникам, чтобы убедиться, что оба живы-здоровы. Несколько месяцев тому назад я с

удовольствием встретил ее заметку в “Nature” и понял, что она активна, как всегда.

Из некоторых разговоров с Энн я ощутил, что она очень боялась войти в конце жизни в состояние немощной старости и стать обузой для своих близких. Судьба избавила ее от этого и послала ей смерть, если можно так выразиться, на боевом посту – по дороге из Кембриджа в Лондон.

А.В. Зеленин